

А. А. Ахматова: русская и национальные литературы. Международная научно-практическая конференция (Ереван, 25–26 сентября 2019 г.)

[А. А. Ахматова: русская и национальные литературы. Материалы Международной научно-практической конференции 25–26 сентября 2019 г. Ереван: «Издательский дом Лусабац», 2019. 494 с.]

Прошедшая в Ереване конференция – пятнадцатая по счету в ряду ежегодных научных встреч, организуемых в Армении с 2009 г. по сквозной теме «Русские классики: русская и национальные литературы». Конференция, посвященная 130-летию юбилею Анны Ахматовой, состоялась в Ереванском государственном университете языков и социальных наук им. В. Я. Брюсова при поддержке Института литературы им. М. Абеяна, Национальной академии наук Армении, Российского нового ун-та (РосНОУ), Института гуманитарных наук Московского городского педагогического ун-та (МГПУ), Армянского общества дружбы «Армения – Россия». Организатор конференции (как и всех предыдущих) – д-р филологических наук, проф. *М. Д. Амирханян*.

В работе конференции приняли участие 18 исследователей, в сборнике материалов, опубликованных к началу симпозиума, представлены статьи еще 34 авторов. Выступления участников конференции касались поэзии Ахматовой в целом, отдельных этапов ее творчества, ее произведений, а также пересечений жизненного и художественного мира поэта с писателями-современниками и предшественниками. Так, совместный доклад *О. Ю. Ивановой и Н. А. Калевич* (РосНОУ, Москва) был посвящен сопоставлению отношения АА и И. Анненского к поэтическому переводу, то есть тому, что, учитывая предпочтения поэтов, можно было бы назвать несопоставимым. Для анализа были взяты переводы двух тематически близких стихотворения – «К Л.» В. Гюго и «Млечный путь» С. Прюдома. Выступающие доказали, что в переводе АА полностью утрачена философская и культурологическая прецедентность текста Гюго, его символика. Это обусловлено элементарностью задачи, которую поставила перед собой АА: познакомить читателя, не владеющего

французским языком, с феноменом Гюго-поэта, ограничившись передачей общей идеи и формы стихотворения. В отличие от АА, Анненский в переводе «Млечного пути» умножает доступные ему смыслы, символы и ассоциации стихотворения Прюдома, то есть проявляет предельный интерес к тексту с позиции собственной когнитивно-интерпретационной концепции поэтического перевода. *Е. Ю. Кольшева* (Московский городской педагогический ун-т), опираясь на собственные текстологические изыскания в сфере булгакововедения и на систему редакций «Поэмы без Героя», установленную Н. И. Крайневой, посвятила свое выступление этапам усвоения и присвоения романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» автором «Поэмы...». Е. Кольшева обратилась к принципам «решения пространства» и создания образов в обоих произведениях. Фантастической безграничности пространства в «Поэме без Героя» и «Мастере и Маргарите» сопутствует способ решения проблемы времени и образов теней прошлого, с которыми связаны темы вины, расплаты, прощения и забвения.

И. Е. Мелентьева (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва) очертила биографические и этико-эстетические точки схождения АА и А. И. Солженицына и подробно остановилась на образе-мотиве «девушка с вышивкой», распространенном в русской словесности XIX в. Этот топос, по мнению И. Мелентьевой, является для Солженицына признаком плотной связи персонажа его произведений с дореволюционной культурой и литературой. Элементы этого топоса докладчица нашла в стихотворении АА «Протертый коврик под иконой...» и в поэме «У самого моря». Некоторое недоумение вызвало отсутствие в докладе суждений о поэтике экфрастичности, которые явно напрашивались при обращении к текстам АА. Можно также не согласиться с интерпретацией докладчицей вышивающей героини «У самого моря»: не думаем, что с образом Лены связаны мотивы «поиска жениха, тоски по возлюбленному, разговоров о любви». Более релевантной нам показалась точка зрения *Л. В. Маштаковой* (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург), подвергшей в сборнике Материалов конференции поэму «У самого моря» символистскому прочтению. С образом «вышивальщицы» Л. Маштакова связала христианскую и, уже, богородичную символику (с. 277), указав на то, что царевич в поэме АА соответствует образу Христа, понимаемому через философию В. С. Соловьева как «третий элемент Премудрости, божественный Жених» (с. 280). В этой статье, к слову, как раз и задействованы пластические аллюзии в поэзии АА (иконография Пьеты, например).

Доклады *Т. Г. Прохоровой*, *Е. З. Алеевой* и *В. Б. Шаминой* (Казанский [Приволжский] федеральный ун-т) касались творческого диалога Л. С. Петрушевской (рассказ «В доме кто-то есть» и повесть «Время – ночь») с АА («Северные элегии» и так наз. «ахматовский миф»). В случае сопоставления рассказа современной писательницы и «Северных элегий» был проведен мотивный анализ, при соположении повести с «ахматовским мифом» – проанализированы способы и уровни деконструкции «мифа». Как уже указано выше, отдельные выступления литературоведов пере-

секались со статьями «заочных участников» конференции, опубликованными в сборнике Материалов научного собрания. Так к современницам Л. Петрушевской, поэтам В. Полозковой и В. Павловой, в поисках «ахматовского следа» обратилась в своей статье *И. Н. Иванова* (Северо-Кавказский федеральный ун-т, Ставрополь), а доклад *А. А. Ходынской* (Сургутский государственный ун-т) о рецепции АА в поэзии эмигрантов Г. Адамовича и Г. Иванова отчасти переключался с обзором материалов об АА, опубликованных в ж-ле «Грани» эмигрантского периода (автор статьи – *Ю. Е. Павельева*, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва). По мнению А. Ходынской, «младшие акмеисты» следовали тонкому психологизму и правдивости АА, вырабатывая поэтику «парижской ноты» – аскетичной, скупой на эмоции, тонкой до прозрачности. В исследовании Ю. Павельевой анализируются статьи «последнего русского акмеиста» Дм. Кленовского, Е. Тауберг, Н. Тарасовой и речь Л. Копелева, произнесенная на похоронах АА (все опубликованы в «Гранях» в 1954, 1963, 1964 и 1967 гг. соответственно).

Скрестились также выступление *Т. И. Подкорытовой* (Омский государственный педагогический ун-т) и статья «Ахматова и Пушкин» (авторы – *С. З. Шейранян* и *В. В. Мадоян*, Национальный ун-т архитектуры и строительства Армении). В центре внимания Т. Подкорытовой оказались такие элементы поэтологии АА, как «смуглая муза» и «смуглый отрок». Дав характеристику Серебряного века как завершающего этапа Петербургского цикла русской культуры, прощающегося с классической Музой, завещанной античностью, докладчица сосредоточилась на связанных друг с другом сюжетах исхода Музы и смерти Поэта (смерти Пушкина). Муза в ранней АА – один из сквозных персонажей, который скрепляет отдельные тексты в поэтическое единство, сюжет которого – прощание с почти умолкнувшей Музой, исходящей «из пределов здесь-бытия». «Смуглость» Музы, с точки зрения Т. Подкорытовой, находится не в привычной для исследователей причинно-следственной связи со «смуглым отроком» (олицетворением пушкинской традиции), а в обратной связи: поэт-отрок «смуглый» потому, что получил дар от «смуглой Музы», которая древнее поэта-лицеиста и родина которой – не Царское Село. В доказательство исследовательница привела стихи из цикла «Эпические мотивы», а также поэму «У самого моря». Семиотически эпитет «смуглый» означает «влюбленный», «страстный», то есть «смуглый отрок» Пушкин прежде всего – певец любви. Более того, в одном из стихотворных циклов Вяч. Иванова «смуглым отроком» назван Эрот. Таким образом, подвела итог докладчица, «смуглый отрок» персонифицирует три сакральных для АА начала: Первую любовь в космологическом смысле (Эрот), первую Музу любви (греческое начало лирики) и первого русского поэта (царское начало русской любовной лирики).

В отличие от этого выступления статья «Ахматова и Пушкин» страдает дефицитом собственных точек зрения на известную тему, повтором целых фрагментов (с.480, 483), не мотивированными суждениями («традиционность... предопределила реалистический (?) путь развития ее [АА] поэзии, помогая ей избежать бесчисленного множества модных на то время течений...(!?)» [с. 484]), невниманием к

текстам АА (эпиграф к «Реквиему» назван «строчками из поэмы» [с. 485]). Можно сравнить отдельные констатирующие суждения этой статьи об ахматовском эпиграфе, неточности цитирования и незавершенности цитируемого текста с теми же положениями в статье «Диалог с Библией: эпиграфика Достоевского и Ахматовой» (авторы – *А. В. Подчиненов* и *Т. А. Снигирева*, Уральский федеральный ун-т). Екатеринбургские ученые осмыслили ахматовский эпиграф как четкий осознанный выбор «своего магистрального культурного вектора» (с. 381), а неточность цитирования обусловлена, с точки зрения авторов статьи, стремлением является увидеть в «чужом» свое, установкой на активный диалог с читателем либо осознанным художественным приемом (с. 389). В целом же, в статье *А. Подчиненова* и *Т. Снигиревой* исследуется, каким образом мир Библии «несет в себе этический код», по которому *Ф. М. Достоевский* и АА сверяют свою судьбу Творца. Авторы вступают в полемику с *А. Г. Найманом*, предъявлявшим к поэзии АА профессиональные требования, не учитывая осознанную «дерзость» поэта, не только продолжающей, но и отталкивающейся от этической гармонии Библии (с. 384). Восьмикратное использование АА библейских строк в качестве эпиграфов авторы статьи классифицируют по характеру (традиционному либо специфически-ахматовскому) их использования.

Несколько устных и письменных исследований были посвящены теме Анна Ахматова и Лев Толстой / Антон Чехов. Ст. научный сотрудник Музея-усадьбы *Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» Е. В. Белоусова*, оттолкнувшись от автобиографического высказывания АА («читать училась по Азбуке Толстого»), полагает, что в этом признании заложен более широкий смысл: азы русской классики лягут в основу поэтической философии АА. Докладчик остановилась на схожести понимания смысла жизни у *Л. Толстого* и у поэта XX века, на их обращении к молитвенному опыту, на философии непротivления – результата отвлеченных размышлений Толстого и трагического эмпирического опыта АА, на теме личной вины и тяготении к эпичности и историзму (к сожалению, в суждениях о последнем *Е. Белоусова* упорно именовала «Реквием» и «Поэму без Героя» сборниками). Объемную и достаточно содержательную статью «А. А. Ахматова и Л. Н. Толстой: о единстве поэзии и прозы» в сборнике материалов представила *А. М. Амирханян* (Армянский государственный педагогический ун-т) с небеспорным конечным выводом о том, что проникшая в ахматовскую поэзию философия добра как смысла жизни является сутью ахматовского «психологического романа в стихах» (с. 46). *Н. Ф. Иванова* и *Л. Е. Бушканец* (Новгородский государственный ун-т) в своей статье аргументированно и психологически точно обрисовали ту ситуацию (контекст ссоры), в которой мемуаристкой *Л. К. Чуковской* были сделаны записи об отношении АА к Чехову (именно эти записи чаще всего становятся источником сложившегося у разных авторов мнения о «нелюбви» АА к Чехову). «Можно ли мемуарное свидетельство безапелляционно представлять как литературоведческое доказательство?» – к такому вопросу приходят авторы в финале статьи. Здесь заметим, что записи *Л. Чуковской* стали предметом рассмотрения описательной, на наш взгляд, статьи *К. Д. Гордович* (Высшая школа печати и медиатехнологий, С.-Петербургский государственный ун-т

промышленных технологий и дизайна) о соотношении бытового и творческого в образе АА, созданном мемуаристкой.

В ряде выступлений речь шла об отдельных текстах АА. *К. И. Шарафадина* (Гуманитарный ун-т профсоюзов, С.-Петербург) для прочтения посвященного М. Цветаевой стихотворения АА «Поздний ответ» (сквозной мотив которого – жизнь, катастрофически превращающаяся в хаос) предложила свой ключ – образы Апокалипсиса. *Т. Н. Чурилева* (Новосибирский государственный технический ун-т) сосредоточилась на характере нарратива и сюжетно-фабульном развертывании лирического сознания героини стихотворения «Проводила друга до передней...». *Г. П. Михайлова* (Вильнюсский ун-т) предложила несколько «дополнений» к интерпретации ахматоведами стихотворения «Клеопатра» и пополнила его смыслы обращением к текстам Горация, А. Блока, Н. Пунина, Н. Гумилева и Ф. Зелинского. Уточняющий и дополняющий характер носит и статья *М. Ч. Ларионовой* (Южный федеральный ун-т, Ростов-на-Дону), в которой оспаривается мнение отдельных исследователей о том, что колыбельная «Тихо льется тихий Дон» в «Реквиеме» не связана с романом Шолохова. М. Ларионова подчеркивает «материнскую» и «оберегающую» линию жанра колыбельных песен, к которым обратилась АА, а также на такую деталь текста, как «месяц в шапке набекрень», которая отсылает к конкретной историко-культурной реалии – особому способу казаков носить шапки. Свою догадку автор статьи подтверждает биографическими фактами из жизни сына АА («Тихий Дон», по словам АА, был «любимым произведением Левы») и научными интересами Л. Н. Гумилева, касавшегося «казачьей темы» в связи с хазарами. *А. А. Асоян* (Гуманитарный ун-т профсоюзов, С.-Петербург) в своем выступлении предложил прочтение полного загадок и аллюзий цикла «Полночные стихи» в контексте ницшеанского мифа о вечном возвращении, связав, к примеру, название первого стихотворения цикла («Предвесенняя элегия») с идеей цикличности, обещающей повторение «Серебряного века», а стихотворение «В Зазеркалье», не поддающееся однозначной интерпретации, с «мортально-эротическим» его содержанием, проявленным благодаря суждениям М. Бланшо. Театрализации как принципу организации смысловой структуры «Поэма без Героя» посвящена статья *Л. Г. Кихней* (Институт международного права и экономики, Москва). Исследователь обратилась к разного вида театральным и драматургическим отсылкам, которые выполняют в поэме различные смысловые функции: например, рецензии из шекспировских трагедий, опер Моцарта и Штрауса, пьесы О. Уайльда способствуют вычленению архетипического сюжета возмездия (загробного мщения). Стилистическое своеобразие публицистической прозы АА заинтересовало *Н. А. Басилая* (Тбилисский государственный ун-т). Отметив литературные и исторические аллюзии и поэтические ассоциации эссе АА репрезентации о Пушкине и Лермонтове, автор рассмотрела стилистические способы передачи их обличительного пафоса, выражающиеся в очевидных бинарных оппозициях ахматовской прозы (что в случае с Лермонтовым соответствует поэтическому мировосприятию героя эссе).

В отдельных выступлениях и статьях прослеживалось развитие того или иного мотива либо образа в поэзии АА. Например, образ земли («дерна»), с точки зрения

Е. Е. Завьяловой (Астраханский государственный ун-т), эволюционирует от зрительного объекта через мортальную символику к архетипическому наполнению образа. Соответственно в статье *Н. В. Протасовой* (Северо-Кавказский федеральный ун-т) рассмотрен образ воды в поэтическом мире АА и связанный с ним «русалочий мотив». Исследователи из Пятигорского государственного ун-та *Л. В. Витковская* и *И. Ф. Головченко* в своей статье обратились к «чужим» путешествиям в лирике АА, разумея под этим ахматовский «обмен репликами» (с. 95) с поэзией Н. Гумилева и О. Мандельштама, для которых «трэвел-мотивы» были актуальны. В случае с Мандельштамом (интерпретация стихотворения которого «Соломинка» занимает в статье неоправданно большое место) «путешествие» АА представляют собой «погружение в слои памяти» (с. 103). О женском дискурсе в творчестве АА, создаваемом гендерным кодированием предметов, а также женской игровой стратегией (поза, жесты), идет речь в статье *Л. С. Кисловой* и *М. А. Ветошкиной* (Тюменский государственный ун-т). Статья, однако, завершается весьма спорным выводом о том, что алогичный (?) мир лирики АА (проявления алогичности исследователи почему-то увидели в наличии смысловых и эстетических бинарных оппозиций) «вполне может претендовать на предчувствие постмодернистской картины мира» (с. 228).

Ташкентскому «окружению» АА было посвящено выступление *Э. Ф. Шафранской* (Московский городской педагогический ун-т). Речь шла об узбекском литераторе Айбеке: о личных контактах АА с ним нет сведений, но он посвятил русскому поэту стихотворение, к которому неоднократно обращались переводчики с узбекского на русский. Другой герой доклада – отв. секретарь Союза писателей Узбекистана Х. Алимджан, о чиновничьем безразличии которого писала в своих записях Л. К. Чуковская. Что касается третьего персонажа – композитора А. Ф. Козловского, то повествование о нем было малоинформативным, если учесть, что еще в 2012 г. о музыканте дал исчерпывающие сведения Р. Тименчик в одном из «именных указателей» к Записным книжкам АА. Тематически близкой выступлению Э. Шафранской оказалась статья *Т. А. Дьяченко* (Астраханский государственный ун-т) об ориентальных мотивах в поэзии АА в сопоставлении с образом Востока у М. Лохвицкой и символикой образов соловья и розы в персидской поэзии. Об одном из самых интересных собеседников АА в ее зрелые годы – В. С. Муравьеве – рассказала *Э. Д. Меленевская* (ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, Москва). В докладе, элементами которого стали и личные воспоминания Э. Меленевской, предстал объемный социально-психологический портрет незаурядного историка литературы и переводчика. Магнитофонные записи бесед с Муравьевым, опубликованные О. Е. Рубинчик, послужили для докладчика материалом для анализа его этико-эстетических взглядов и высказываний о личности и творчестве АА.

К сожалению, некоторые Материалы сборника конференции оставляют впечатление тематической и проблемной незавершенности, фактической неточности, терминологической непроясненности и даже комической абсурдности утверждений. К примеру, в статье *М. И. Мелкумян* (Ереванский государственный ун-т) «И голос вечности зовет...» «элитный клуб» «Бродячая собака» назван «настоящим прито-

ном» (с. 308), посвященному Б. Пастернаку стихотворению 1936 г. приписывается прозаическое высказывание АА (с. 310), а 1914 году – борьба символистов с... имажинистами (с. 312); стихи АА 1941 и 1942 г., по мнению автора, звучали на благотворительных выступлениях в Александровском зале городской думы в первые годы Первой мировой войны (с. 313–314). *А. А. Закарян* (Национальная Академия Наук Армении) свою лаконичную статью ограничил републикацией «фельетона» (!?) С. Городецкого о «Белой стае», напечатанного в бакинской газете «Наше Время» 16 января 1920 г. *П. Л. Карабуцenco* (Астраханский государственный ун-т) в статье с заманчивым и многообещающим названием «Элитологические воззрения Анны Андреевны Ахматовой» допускает ряд неточностей, искажающих смысл ахматовских текстов и ставящих под сомнение, действительно ли перед нами заявленная автором «герменевтическая экспертиза» «иносказательно понимаемых» (?) «поэтических вещей» АА (с. 219). Так высказывание от имени «поэмы» в «Поэме без Героя» приписывается автором статьи лирическому нарратору текста (с. 205), ирония А. Жолковского относительно «звездного часа» АА во время событий августа 1946 г. не учитывается (с. 215) и пр. Вызывает вопрос и смысл понятия «филологическая мифологизация», которым оперирует *А. М. Меньщикова* (Уральский федеральный ун-т, Екатеринбург) в статье «Вариативность и своеволие “Поэмы без героя” Анны Ахматовой». При этом в статье подробно и аргументировано, на основании имеющихся девяти редакций поэмы, представлено смысловое и структурное «движение» поэмы. Статья *В. Д. Серафимовой* (Московский педагогический государственный ун-т) «Жизнь поэзии Анны Ахматовой» (в соавторстве с *С. М. Минасян*, Ереванский государственный педагогический ун-т), на наш взгляд, является беспроblemным изложением известных характеристик творчества АА. Помимо этого, она включает в себя недопустимые для специалистов ложные сведения: в числе «литературных воспоминаний и размышлений о современниках» АА числятся некие эссе «Цветаева», «Пастернак», «Мандельштам», а среди сборников АА – составленные ею, но так и не изданные «Тростник» и «Седьмая книга» (с. 426, 428).

Целый блок статей в сборнике материалов конференции касается «Анны Ахматовой и армянской музыки» (цитируем название статьи *Р. А. Багдасаряна* [Национальное собрание Армении]). Во всех статьях на эту тему подчеркивается роль О. Мандельштама в обращении АА к Армении и армянской поэзии. Исследователи останавливаются на переводах АА западноармянского поэта Д. Варужана, знаковых восточноармянских поэтов – А. Исаакяна, В. Терьяна, Е. Чаренца, М. Маркарян, А. Граши. Акцентируется тот факт, что переводы АА предназначались для так и не изданной в сер. 1930-х гг. «Антологии армянской поэзии» (а в опубликованной «обновленной» антологии 1940 г. ахматовских переводов уже не было). В статье *Н. В. Отургашиевой* (Сибирский институт управления, Новосибирск) подчеркивается, что АА обратилась к переводам Д. Варужана и Е. Чаренца, чья жизнь и поэзия являются символом сопротивления тирании в любом ее проявлении, в трагические для русской культуры 30-е гг. Авторы статей подчеркивают трудность перевода армянской поэзии с ее «языково-стилистическими и тональными особенностями»

(Р. Багдасарян) на русский язык, но отдают должное переводческому мастерству русского поэта, сопоставляя ее перевод стихотворения Е. Чаренца «Наш язык» с ее собственным стихотворением «Мужество» с точки зрения наличия в них одной смысловой доминанты. А. Э. Долуханян (Армянский государственный педагогический ун-т) указывает на значимость темы матери и сына в переводах АА стихов А. Исаакяна. Отталкиваясь от работ Г. Кубатьяна и Г. Ахвердяна, исследователи более подробно останавливаются на ахматовском «Подражании армянскому», отправной точкой для которого стало четверостишие О. Туманяна (статья Н. Отургашевой). К «армяно-ахматовской теме примыкает статья Т. Л. Воробьевой (Национальный исследовательский Томский государственный ун-т) об истории портрета АА кисти Мартироса Сарьяна, который сочетал в своем творчестве искусство символизма и образность восточной культуры. Портрету позировавшей ему АА художник придал греко-армянские черты, обратившись к контрастным цветам и пластике форм. Еще об одном «портретисте» АА, Амедео Модильяни, идет речь в статье «“Любопытство иностранки” в лирике Анны Андреевны Ахматовой» (автор – О. Ф. Ладохина, Московский городской педагогический ун-т).

К теме АА и Грузия читателя сборника материалов конференции приобщает статья Н. П. Багратион-Давиташвили и М. С. Николаишвили (Тбилисский государственный ун-т). Исследователи напоминают об эпитафии из Ш. Руставели к одному из стихотворений АА, а также о том, что в 1918 г. в Тбилиси был переиздан сборник «Белая стая», и сохранились воспоминания АА о встречах с Т. Табидзе и П. Яшвили. Особое внимание уделено блестящему переводу АА стихотворения М. Квливидзе «Памяти Саят-Нова», в котором надо было передать и реминисценции из Саят-Новы, и творческую манеру автора.

В заключение скажем, что ахматовская конференция в Армении представила разнообразные подходы к творчеству Ахматовой, главным образом, российских исследователей, и география мест изучения поэзии и прозы поэта необычайно велика. Объясним интерес к ахматовской теме и армянских ученых – в силу переводческой деятельности Ахматовой и, возможно, в силу мандельштамовского отсвета на ее личности и жизни, то есть отсвета поэта, который сказал об армянах так: «Вот люди, которые гремят ключами языка даже тогда, когда не отпирают никаких сокровищ».

Галина Михайлова